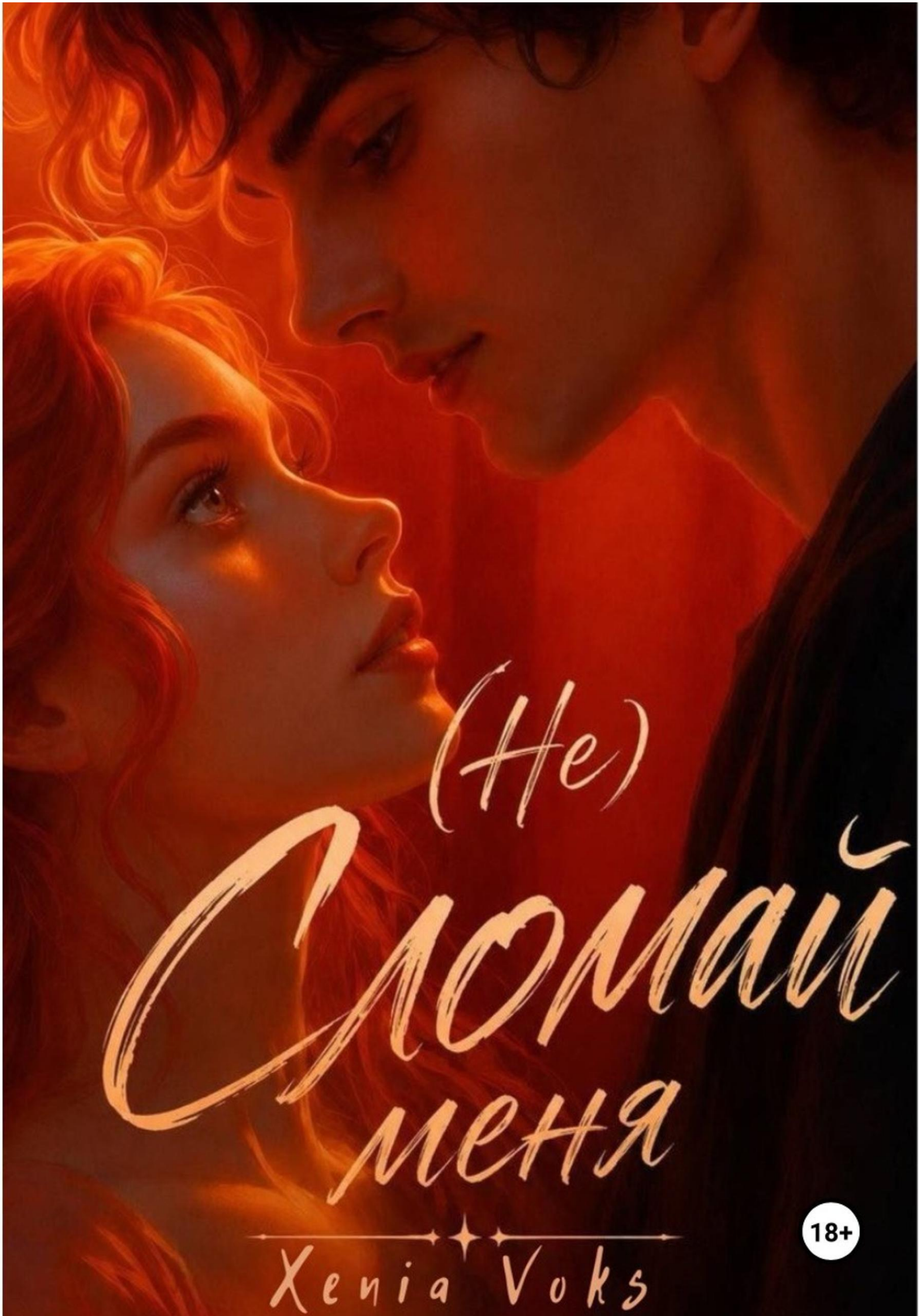

(Не)
Сломай
меня
18+
Ксения Воks

Ксения Вокс

(Не) Сломай меня

«Автор»
2026

Вокс К.

(Не) Сломай меня / К. Вокс — «Автор», 2026

Иногда одна ошибка способна разрушить целую жизнь. Одно решение — перечеркнуть любовь. Одно молчание — оставить шрамы на долгие годы. Когда прошлое вновь напоминает о себе, каждому придётся сделать выбор: продолжать жить с болью или рискнуть снова открыть своё сердце.

© Вокс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Ксения Вокс
(Не) Сломай меня

АВТОРСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Данная книга редактируется и корректируется автором самостоятельно. В связи с отсутствием возможности обратиться к профессиональному редактору и корректору, в тексте могут сохраняться определённые недочёты.Автор осознаёт это и по мере возможности работает над их исправлением.Если наличие подобных недочётов существенно влияет на ваше восприятие текста, пожалуйста, учитывайте это перед началом чтения. Продолжение чтения является исключительно вашим выбором.

Пролог

Холод сковал каждую клетку моего тела задолго до того, как судья произнёс первые слова. Я сидела неподвижно, сжимая пальцы так сильно, что ногти впивались в ладони, и смотрела перед собой, не различая ни лиц, ни очертаний мебели, будто весь мир превратился в одно бесконечное серое пятно. Сердце билось так громко, что заглушало все звуки, а в горле застрял тяжёлый ком, не позволяя ни вдохнуть, ни выдохнуть. Всё происходящее казалось страшным сном, из которого я вот-вот проснусь, открою глаза и снова окажусь дома, услышу его голос, почувствую знакомый запах кофе, который Лиам каждое утро варил на кухне, а потом обязательно подходил сзади, обнимал и утыкался носом мне в шею, тихо бормоча своё привычное: «Доброе утро, соня». Но никакого пробуждения не будет. Есть только этот зал, чужие люди, холодные стены и бумаги, лежащие перед судьёй.

Я медленно подняла взгляд и почти сразу пожалела об этом. Напротив сидел Лиам. Такой близкий и одновременно бесконечно далёкий. Его лицо оставалось спокойным, но я слишком хорошо знала этого человека, чтобы не заметить напряжённые скулы, крепко сжатые губы и потемневший взгляд, в котором не осталось ничего, кроме ледяной пустоты. Он не смотрел на меня. Ни разу. Будто меня уже не существовало. Будто женщина, которой он клялся в любви совсем недавно, перестала существовать задолго до того, как мы переступили порог этого здания. От этой мысли внутри что-то болезненно сжалось, заставив опустить глаза, чтобы он не увидел слёз.Я украдкой перевела взгляд в сторону своего адвоката и почувствовала, как по спине медленно пополз липкий холод. Он выглядел спокойным. Перелистывал документы, что-то негромко говорил, не проявляя ни капли сочувствия, словно происходящее было для него обычной работой. На мгновение наши взгляды встретились. Всего на одно короткое мгновение. Этого оказалось достаточно, чтобы воздух застрял в лёгких, а пальцы непроизвольно задрожали.

Я едва заметно отвела глаза, чувствуя, как внутри всё сжимается от животного страха, который невозможно объяснить словами. Казалось, стоит мне сделать одно неверное движение, произнести хотя бы звук или просто посмотреть не туда, как случится что-то непоправимое. Что-то настолько страшное, что по сравнению с этим развод покажется сущим пустяком.Я молчала. Не потому, что хотела. Не потому, что мне нечего было сказать. Наоборот. Каждая клетка моего тела кричала, умоляла подняться, подбежать к Лиаму, схватить его за руки и заставить посмотреть мне в глаза. Сказать хоть что-нибудь. Одно-единственное слово. Но тело будто перестало принадлежать мне. Я продолжала сидеть неподвижно, ощущая, как внутри медленно рушится всё, что мы строили долгие годы, и понимала, что прямо сейчас собственными руками позволяю уничтожить единственного человека, которого когда-либо любила. И хуже всего было осознавать, что иначе я поступить просто не могла.Где-то на периферии сознания я услышала голос:

— Судом также приобщена к материалам дела видеозапись, представленная истцом в качестве доказательства.

Каждое слово судьи медленно врезалось в сознание, словно тупое лезвие, заставляя сердце сжиматься всё сильнее. Я перестала слышать, что происходило вокруг. Голоса растворились где-то далеко, превратившись в неразборчивый гул, а перед глазами всё поплыло, будто меня резко столкнули под воду.Я знала, о каком видео идёт речь. Знала каждую секунду этой записи, хотя всеми силами пыталась вычеркнуть её из памяти. И именно это пугало больше всего. Не сама запись. Не взгляды людей вокруг. А то, что я почти ничего не могла вспомнить. Лишь короткие обрывки, вспыхивающие в голове подобно молниям и исчезающие прежде, чем

я успевала за них ухватиться.Я помнила яркий, почти ослепляющий свет, от которого болезненно слезились глаза.

Помнила чужие голоса, звучавшие совсем рядом, но слова постоянно расплывались, словно кто-то намеренно стирал их из моей памяти. Помнила собственное дыхание — тяжёлое, сбивчивое, будто каждое движение требовало неимоверных усилий. Мир вокруг казался ненастоящим, искажённым, словно я смотрела на него через толстое мутное стекло. Всё происходило будто не со мной.

Моё тело двигалось, реагировало, жило какой-то своей жизнью, а я отчаянно пыталась догнать собственное сознание, крича где-то глубоко внутри, но этот крик так и оставался запертым в бесконечной пустоте. Хотелось закрыть глаза, проснуться, избавиться от этого кошмара, но веки словно налились свинцом, а мысли медленно тонули в вязком тумане, не позволяя понять, где заканчивается реальность и начинается безумие.

Казалось, я исчезала сама для себя, превращаясь в безвольную тень, которая больше не принадлежала себе.Я не помнила собственного я в тот момент. Не помнила, что говорила, говорила ли вообще. Помнила лишь то невыносимое чувство, будто где-то очень глубоко внутри меня отчаянно бился человек, умоляющий остановить всё это, но никто не мог его услышать. Никто. Даже я сама. И именно поэтому сейчас, сидя в этом зале, я боялась поднять глаза на Лиама. Потому что для него эта запись была доказательством предательства. Для меня же она навсегда останется напоминанием о дне, когда я потеряла право распоряжаться собственной жизнью.

— Ответчица, вы подтверждаете, что на видеозаписи изображены именно вы?

Голос судьи прозвучал неожиданно громко, вырывая меня из воспоминаний. Я медленно подняла голову, чувствуя, как к горлу снова подкатывает тяжёлый ком. Казалось, стоит мне сейчас открыть рот, и вместе со словами наружу вырвется всё то отчаяние, которое я так долго пыталась удержать внутри. Я перевела взгляд на Лиама. Он по-прежнему не смотрел на меня. Его лицо оставалось холодным, чужим, а в глазах была такая боль, что у меня перехватило дыхание. Мне хотелось закричать, умолять его не верить увиденному, сказать, что всё было совсем не так, но слова так и не сорвались с губ.

— Да, — медленно опустив взгляд, прошептала я, проглатывая всё, что вертелось на языке.

— Ответ принят, — судья сделал короткую пометку в материалах дела и поднял взгляд. — Истец, вы поддерживаете заявленные требования о расторжении брака?

На несколько секунд в зале воцарилась такая тишина, что я отчётливо услышала собственное дыхание. Оно было тяжёлым, неровным, будто каждый вдох приходилось буквально вырывать из сдавленных лёгких. Мне не нужно было смотреть на Лиама, чтобы почувствовать, как он медленно поднимается со своего места. За столько лет рядом я научилась узнавать его по едва уловимым движениям, по звуку шагов, по тому, как он поправлял рукав рубашки, когда нервничал. Даже сейчас моё тело помнило его лучше, чем разум.

— Да, ваша честь, — его голос прозвучал спокойно, но слишком хрипло, словно за последние недели он разучился нормально говорить. — Я прошу удовлетворить иск в полном объёме.

Каждое слово тяжёлым камнем ложилось мне на грудь. Когда-то этот человек обещал быть рядом до конца жизни. Клялся, что никогда не отпустит мою руку, что бы ни случилось. Теперь же собственным голосом просил суд разорвать всё, что мы так долго строили вместе. И я не могла его винить. Не имела права. Если бы я сама увидела ту запись, если бы не знала правды, наверное, поступила бы точно так же.

— Ответчица, вы возражаете против заявленных требований? — судья посмотрел прямо на меня, терпеливо ожидая ответа.

Я открыла рот, но ни один звук так и не сорвался с губ. Горло сдавило так сильно, что стало больно дышать. Я медленно перевела взгляд на своего адвоката, надеясь увидеть хотя бы намёк на сочувствие, но его лицо оставалось таким же непроницаемым. Он спокойно перелистывал документы, словно происходящее не касалось его совершенно, затем едва заметно коснулся указательным пальцем лежащей перед ним папки. Сердце болезненно сжалось, а пальцы сами собой впились в ладони так сильно, что под ногтями вспыхнула резкая боль.

— Нет... ваша честь, — едва слышно ответила я, с трудом заставив себя произнести эти слова. — Не возражаю.

Секретарь быстро забила текст на клавиатуре, занося каждую реплику в протокол. Судья коротко кивнул, перевернул страницу дела и, пробежавшись взглядом по документам, продолжил:

— Судом установлено, что примирение сторон невозможно, имущественные споры урегулированы, несовершеннолетних детей супруги не имеют. У представителей сторон имеются дополнительные заявления или ходатайства?Первым поднялся адвокат Лиама.

— Нет, ваша честь.

— У стороны ответчика?

Мой адвокат неторопливо встал, поправил пиджак и спокойно произнёс:

— Ходатайств не имеем. Просим рассмотреть дело на основании представленных материалов.

Я осторожно подняла взгляд на Лиама. Он всё так же избегал смотреть в мою сторону, крепко сжимая сложенные на столе ладони. Я слишком хорошо знала этого человека, чтобы не заметить, как напряжённо ходили желваки на его скулах и как побелели костяшки пальцев. Ему тоже было больно. Безумно больно. Только в отличие от меня он хотя бы понимал, за что страдает. А я сидела здесь, позволяя любимому человеку навсегда возненавидеть себя, и молилась лишь об одном — чтобы однажды он узнал правду, даже если к тому моменту уже будет слишком поздно.

— Суд, исследовав представленные материалы дела, выслушав объяснения сторон и их представителей, приходит к выводу, что дальнейшее сохранение семьи невозможно, — ровным голосом произнёс судья, медленно закрывая папку с документами. — Руководствуясь действующим законодательством, суд постановил: исковые требования Лиама Хейса удовлетворить. Брак между Лиамом Хейсом и Эларой Хейс считать расторгнутым. Решение может быть обжаловано в установленном законом порядке. На этом судебное заседание объявляется закрытым.

Эти слова прозвучали настолько спокойно, что в первое мгновение я даже не поняла их смысла. Лишь спустя несколько мучительно долгих секунд до меня наконец дошло, что всё действительно закончилось. Теперь это уже не страшный сон, не бесконечный кошмар, из которого однажды получится выбраться, а самая настоящая реальность. Моей семьи больше не существовало. Несколько сухих юридических формулировок навсегда перечеркнули годы любви, доверия и обещаний, которые ещё совсем недавно казались нерушимыми.

Вокруг постепенно оживал зал заседаний. Секретарь закрывала ноутбук, складывая документы в аккуратные стопки, адвокаты обменивались короткими профессиональными фразами, кто-то уже направился к выходу, но для меня весь окружающий мир словно перестал существовать. Я продолжала сидеть неподвижно, не сводя взгляда с деревянной поверхности стола, отчаянно пытаясь заставить себя вдохнуть. Казалось, если сейчас поднять голову, всё окажется настоящим окончательно.

— Элара, — негромко произнёс мой адвокат, подойдя ближе. Не получив никакой реакции, он задержал на мне взгляд всего на секунду, после чего спокойно добавил: — Нам нужно идти.

Я медленно поднялась со своего места, ощущая, как предательски дрожат ноги. Казалось, стоит сделать всего один шаг, и я просто упаду прямо здесь, посреди зала, окончательно поте-

ряв остатки сил. Слёзы больше не подчинялись мне. Они медленно стекали по щекам одна за другой, но я даже не пыталась их вытереть. Всё, что я так старательно сдерживала последние недели, последние дни, последние часы, сейчас вырывалось наружу, не спрашивая разрешения.

Я всё-таки подняла глаза и почти сразу встретилась взглядом с Лиамом. Всего на одно короткое мгновение. В его карих глазах больше не осталось ни тепла, ни нежности, только глубокая, выжигающая изнутри боль человека, которого предал самый близкий. Он отвернулся первым. Просто отвернулся, будто больше не мог заставить себя смотреть на меня. От этого внутри что-то окончательно оборвалось.Пальцы адвоката мягко, но уверенно сомкнулись на моём локте, заставляя двигаться вперёд. Я подчинилась почти машинально. Мы молча прошли между рядами, миновали стол секретаря и направились к выходу. Никто не пытался остановить нас. Лишь тяжёлая дверь суда медленно закрылась за моей спиной, окончательно оставляя Лиама по ту сторону.

Каждый шаг по длинному коридору отдавался глухим эхом, смешиваясь с моими тихими всхлипами. Я больше не пыталась казаться сильной. Больше не прятала лицо. Мне было всё равно, кто сейчас увидит мои слёзы. Единственный человек, ради которого я держалась всё это время, остался позади, искренне считая меня предательницей.Мы вышли на улицу. Яркое калифорнийское солнце болезненно резануло по глазам, но даже оно не смогло согреть леденящий холод, поселившийся внутри. Возле самого тротуара уже ждал чёрный тонированный седан. Водитель, заметив нас, сразу вышел из машины, открыл заднюю дверь и молча сделал шаг в сторону. Адвокат осторожно подвёл меня к автомобилю, придерживая за локоть, словно опасался, что я потеряю сознание прямо сейчас.

— Садитесь, Элара.

Я безвольно опустилась на заднее сиденье, не сопротивляясь и не задавая вопросов. Дверь тихо закрылась, отрезая меня от городского шума. Через несколько секунд рядом сел адвокат, спокойно поправил пиджак и коротко кивнул водителю, но автомобиль не тронулся. Словно чего-то ожидал.Не понимая зачем, я повернула голову к окну. Сквозь затемнённое стекло вход в здание суда всё ещё был хорошо виден. Тяжёлые двери распахнулись, и на широкие ступени вышел Лиам. Рядом с ним уверенным шагом двигался Финн, что-то быстро говоря и время от времени касаясь его плеча, будто пытался достучаться до друга, но Лиам его словно не слышал. Он резко остановился у самого края лестницы, с такой силой ударил кулаком по бетонной колонне, что глухой звук долетел даже до машины, после чего тяжело опустил голову.

Финн мгновенно схватил его за предплечье, что-то сказал, однако Лиам лишь выдернул руку и, запрокинув голову, на несколько секунд зажмурился, пытаясь совладать с эмоциями. Я никогда прежде не видела его таким. Этот сильный, уверенный мужчина, который всегда находил выход из любой ситуации, сейчас выглядел человеком, у которого отняли всё, ради чего он жил.По щекам снова потекли слёзы. Я осторожно прижалась лбом к холодному стеклу, продолжая смотреть на силуэт Лиама Хейса, который с каждой секундой становился всё дальше, пока водитель наконец не тронул машину с места. Седан плавно влился в поток автомобилей, оставляя позади здание суда, человека, которого я продолжала любить всем сердцем, и жизнь, в которую уже никогда не смогу вернуться.

Глава 1

6 лет спустя

Меня снова кто-то касается. Я не вижу лица. Никогда не вижу. Только ладонь. Чужую. Тёплую. Она медленно скользит по моей шее, осторожно убирает волосы за плечо, словно имеет на это полное право, и от этого невинного, почти ласкового движения внутри всё мгновенно сжимается в тугой узел. Воздуха становится меньше. Я пытаюсь вдохнуть глубже, но грудную клетку будто сдавливает невидимая тяжесть. Где-то совсем рядом звучит приглушённый мужской смех, звон стекла, тихая музыка, а затем ещё один голос. Спокойный. Уверенный. До тошноты знакомый. Он что-то говорит, но я больше не различаю слов. Они давно превратились в бессмысленный шум, который преследует меня даже во сне. Перед глазами снова возникает длинный коридор с мягким светом, тяжёлыми дверями и бесконечной дорожкой под ногами. Я знаю это место. Ненавижу его. Боюсь его. И понимаю, что снова оказалась здесь.

Нет... Только не снова...

Я пытаюсь остановиться, но ноги продолжают идти вперёд сами по себе. Кажется, будто я всего лишь пассажир в собственном теле, лишённый права хоть что-то изменить. На стенах мелькают размытые тени, двери открываются одна за другой, а лица мужчин сливаются в одно огромное пятно. Я уже давно перестала различать их. Карие глаза, серые, голубые... Высокие, низкие... Молодые, взрослые... Всё смешалось в одно бесформенное воспоминание, от которого внутри поднимается липкий страх. Я чувствую на себе взгляды. Они скользят по мне так же ощутимо, как чьи-то ладони. Кто-то улыбается. Кто-то смеётся. Кто-то подходит ближе. Моё тело привычно отвечает лёгкой улыбкой, и в этот момент меня накрывает волной настоящего ужаса. Нет... Это не я. Я не хочу улыбаться. Я не хочу смотреть на них. Я не хочу здесь находиться. Но уголки губ всё равно поднимаются сами собой, а внутри меня будто кто-то отчаянно колотит кулаками по невидимой клетке, пытаясь вырваться наружу.

Чужая ладонь снова касается моего лица. Медленно. Осторожно. Почти нежно. И именно это оказывается страшнее всего. Я вздрагиваю, пытаюсь отшатнуться, но ничего не происходит. Моё тело продолжает стоять на месте, словно давно забыло, что такое сопротивляться. Паника стремительно накрывает сознание. Сердце начинает колотиться так сильно, что его удары отдаются в ушах. Мне хочется закричать. Ударить. Оттолкнуть. Сделать хоть что-нибудь. Но из горла не вырывается ни звука. Я словно заперта внутри самой себя, а снаружи остаётся лишь красивая оболочка, которая послушно делает всё, что от неё ждут. Господи... пожалуйста... проснись... проснись... проснись...

Чьи-то пальцы снова ложатся мне на шею.

— Нет!!!

Я резко села на кровати, захлебнувшись собственным криком. Лёгкие судорожно хватали воздух, перед глазами всё ещё мелькали обрывки кошмара, а мокрые волосы неприятно липли к лицу и шее. Сердце билось так, словно собиралось вырваться наружу. Несколько секунд я просто сидела, не двигаясь, пока взгляд медленно не начал различать знакомые очертания комнаты. Шкаф. Окно. Комод. Полумрак. Дом. Я дома.

Я шумно выдохнула, с силой растёрла лицо ладонями, будто вместе с каплями холодного пота могла стереть и этот сон. Челюсти болезненно сжались сами собой.

— Да твою же...

Голос сорвался на хрип. Я зло отбросила одеяло в сторону и опустила ноги на пол, чувствуя, как холодный ламинат понемногу возвращает меня в реальность. Прошёл целый год. Целый чёртов год, а я до сих пор просыпаюсь так, будто всё это закончилось всего вчера. Меня бесило не прошлое. Его уже нельзя изменить. Меня бесила я сама. Собственная беспомощность перед несколькими дурацкими видениями. Днём я спокойно разговариваю с людьми, работаю, улыбаюсь, смеюсь, живу дальше, а ночью мозг будто специально вытаскивает наружу всё то, что я так старательно учусь держать под замком.

— Соберись... — тихо прошептала я самой себе, крепко сжимая пальцы в кулаки. — Хватит.

Я сделала глубокий вдох, потом ещё один. Сердце постепенно начинало успокаиваться. Кошмар закончился. Он остался там, где ему и место. А новый день уже начинался, нравится мне это или нет. И я не собиралась позволять очередному сну снова украсть у меня право жить дальше.

Я медленно поднялась с кровати, чувствуя, как мышцы неприятно ноют после очередной беспокойной ночи. Простыня успела сбиться почти до самого пола, подушка лежала где-то у изголовья, а тонкая футболка липла к спине, пропитанная холодным потом. Проведя ладонью по лицу, я ещё раз глубоко вдохнула и заставила себя окончательно проснуться. Сон закончился. Всё уже закончилось. Я повторяла эти слова каждое утро, словно убеждала не только себя, сколько ту испуганную девушку, которая до сих пор продолжала жить где-то глубоко внутри меня. Иногда помогало. Иногда — нет. Сегодня был один из тех дней, когда приходилось буквально вытаскивать себя из кровати, напоминая, что впереди обычное утро, а не очередной кошмар, из которого невозможно выбраться.

В ванной меня встретил прохладный свет лампы и моё собственное отражение. Несколько секунд я просто смотрела на него, не двигаясь. Когда-то зеркало было моим самым страшным врагом. Я избегала смотреть себе в глаза, потому что не узнавала девушку, стоявшую по ту сторону стекла. Казалось, вместе со свободой у меня отняли и меня саму. Теперь стало легче. Не намного. Но достаточно, чтобы хотя бы не отворачиваться.

Я открыла кран и подставила ладони под холодную воду. Ледяные капли медленно стекали по пальцам, возвращая сознание на место. Несколько пригоршней воды обрушились на лицо, заставляя остатки сна окончательно раствориться. Подняв голову, я снова посмотрела в зеркало. Огненно-рыжие волосы окончательно растрепались за ночь, тяжёлыми волнами падая почти до самой талии. Где-то отдельные пряди упрямо выбивались вперёд, цепляясь за влажные щёки, и мне пришлось привычным движением убрать их назад. Когда-то этот насыщенный медный оттенок казался слишком ярким, слишком заметным. Теперь же он стал напоминанием о том, что я всё ещё могу оставаться собой, несмотря ни на что.

Мой взгляд медленно остановился на глазах. Янтарных. Сегодня они казались почти тёмно-коричневыми из-за тусклого света ванной комнаты, но стоило солнечным лучам попасть на лицо, как в радужке обязательно вспыхнут золотистые искры, превращая привычный цвет в тёплый медовый. Лиам когда-то говорил, что никогда не видел таких глаз. Говорил... Я тут же оборвала собственную мысль, раздражённо поджав губы. Не сейчас. Сегодня я не собиралась снова возвращаться туда, куда уже давно запретила себе смотреть.

Я потянулась за расчёской и неторопливо начала разбирать спутанные после сна волосы. Ровные движения всегда успокаивали. Прядь за прядью. Волна за волной. Словно вместе с ними удавалось привести в порядок и мысли. Закончив, я стянула волосы в высокий хвост, но почти сразу передумала и снова распустила. Нет. Сегодня хотелось оставить их свободными.

Скинув футболку, я на мгновение замерла перед зеркалом. Моё тело всё такое же хрупкое, с тонкой талией и лёгкой угловатостью плеч, которые никогда не были слишком округлыми. Когда-то я переживала из-за своей худобы, а теперь была благодарна уже за то, что

снова выгляжу здоровой. Бледная кожа постепенно перестала казаться прозрачной, хотя лёгкая белизна всё равно никуда не исчезла. На переносице и плечах едва заметной россыпью проступали веснушки — редкие, почти незаметные, если специально не присматриваться. Раньше я пыталась скрывать их тональным кремом. Сейчас уже давно перестала. Странно, но именно эти маленькие пятнышки почему-то напоминали мне о нормальной жизни гораздо сильнее любых слов.

Я быстро приняла душ, позволяя горячей воде смыть липкое ощущение кошмара, после чего открыла шкаф. Несколько секунд взгляд скользил по аккуратно развешанной одежде, пока рука привычно не потянулась к простым светлым джинсам и свободной бежевой рубашке. Никаких ярких вещей. Никаких откровенных силуэтов. Только то, в чём мне спокойно. Я давно перестала выбирать одежду ради чужих взглядов. Теперь главным было чувствовать себя в безопасности. Натянув джинсы, я заправила рубашку лишь наполовину, застегнула пуговицы, надела тонкие белые кеды и в последний раз посмотрела на своё отражение.

— Уже лучше... — тихо пробормотала я, скорее по привычке, чем из желания услышать собственный голос.

Я ещё раз окинула себя взглядом, убедившись, что выгляжу хотя бы достаточно собранной для нового дня, после чего выключила свет в ванной и вышла в гостиную. Просторная квартира встретила привычной утренней тишиной, которую нарушал лишь едва слышный шум кофемашины. Первые лучи солнца уже проникали сквозь огромные панорамные окна, растягиваясь золотистыми полосами по светлому деревянному полу. С тридцатого этажа весь Лос-Анджелес казался каким-то нереальным. Где-то далеко внизу медленно просыпались улицы, редкие автомобили уже заполняли широкие проспекты, а за плотной линией высоток угадывалась тонкая голубая полоска океана, растворявшаяся в утренней дымке. Когда мы только переехали сюда, я могла часами стоять у окна, наблюдая за городом сверху. Было странное чувство, будто чем выше поднимаешься над землёй, тем дальше остаётся всё плохое. Жаль только, что воспоминания не умели бояться высоты.

Квартира была оформлена так, как любил Каэл: ничего лишнего, никакой вычурности, только светлые стены, натуральное дерево, мягкий серый диван с разбросанными по нему подушками, небольшой журнальный столик, несколько комнатных растений у окон и длинная кухня с островом, плавно переходящая в гостиную.

Спиной ко мне у кухонной стойки стоял Каэл. Он уже успел принять душ и переодеться, а платиновые волосы, ещё слегка влажные после воды, беспорядочно падали на лоб, словно расчёска снова проиграла им утренний бой. Высокий, подтянутый, с жилистым телосложением человека, который поддерживает форму не ради красивого отражения в зеркале, а потому что привык заботиться о себе, он двигался спокойно и уверенно, не совершая ни одного лишнего движения. Ярко-голубые глаза, холодные почти до ледяного оттенка, обычно казались слишком суровыми для такого спокойного человека, но стоило ему улыбнуться, как этот лёд исчезал без следа. Сейчас Каэл молча пересыпал свежемолотый кофе в рожок кофемашины, даже не оборачиваясь в мою сторону, словно прекрасно знал, в какой именно момент я выйду из комнаты.

— Опять? — спокойно спросил он, не отрываясь от своего занятия.

Я лишь коротко выдохнула, остановившись возле кухонного острова.

— Опять.

Он кивнул так, будто услышал самый обычный ответ на самый обычный вопрос.

Кофемашина тихо зашипела, наполняя кухню густым ароматом свежесваренного кофе. Каэл поставил передо мной мою любимую большую кружку, даже не спрашивая, хочу ли я её сегодня. За целый год совместной жизни он давно выучил все мои утренние привычки. После кошмаров — крепкий кофе без сахара. Несколько минут тишины. И только потом можно начинать разговаривать.

— Спасибо, — тихо произнесла я, осторожно обхватив кружку ладонями.

— Не за что.

Он прислонился бедром к кухонной стойке, сделал глоток из своей кружки и наконец посмотрел на меня. Внимательно. Недолго. Ровно настолько, чтобы убедиться: этой ночью я снова справилась сама.

— Выглядишь паршиво.

Я фыркнула, впервые за всё утро почувствовав, как уголки губ сами собой дрогнули.

— Спасибо. Всегда мечтала услышать именно это с самого утра.

— Зато честно.

— Иногда честность можно оставить при себе.

— Иногда можно, — невозмутимо согласился он, сделав ещё один глоток кофе. — Но тогда ты начнёшь думать, что отлично скрываешь недосып.

Я закатила глаза и наконец отпила горячий кофе. Горечь привычно обожгла язык, возвращая в настоящее окончательно.

— Какие планы на сегодня? — спросил Каэл, возвращаясь к плите.

Я пожала плечами и поставила кружку обратно на остров.

— Сначала на прием. Потом сразу к Молли. Она вчера написала почти в полночь, что приезжает какой-то очень важный клиент, и попросила быть пораньше.

— Значит, день обещает быть весёлым.

— Это ты как угадал?

— Эл, я тебя и твою начальницу не первый год знаю. Если Молли пишет после одиннадцати вечера, значит, у неё либо свадьба века, либо клиент с запросами уровня «хочу церемонию на облаках».

Я тихо усмехнулась.

— Не исключено.

— А вечером?

— Если никто не решит за два часа до встречи поменять площадку, декор, ведущего и цвет цветов, то вернусь домой вовремя.

— То есть часов в десять.

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

— Не начинай.

— Даже не собирался.

Он выключил плиту, разложил завтрак по тарелкам и мы расположились друг напротив друга.

— А ты?

— А что я?

— Какие у тебя планы?

Каэл театрально закатил глаза.

— Спасти компанию.

— Опять?

— Каждый будний день.

— Скромностью ты никогда не страдал.

— Я просто реалист.

Я негромко хмыкнула.

— Ну давай, рассказывай. Что на этот раз?

— Сегодня созвон с европейским офисом, потом презентация новой системы для клиентов, потом встреча с командой разработчиков, а ближе к вечеру, скорее всего, кто-нибудь обязательно скажет гениальную фразу: «А давайте всё переделаем».

— И что ты им ответишь?

— Улыбнусь.

— Только это?

— Нет, конечно. Улыбнусь... а потом мысленно уволюсь раза три.

Я всё-таки рассмеялась.

— Бедный.

— Очень.

— Может, тебе профессию сменить?

— На какую? В свадебное агентство к вам?

— Не выдержишь.

— Вот именно. У меня хотя бы компьютеры не плачут.

— Зато зависают.

— А твои невесты?

— А мои невесты сначала выбирают белые пионы, потом кремовые, потом оказывается, что им вообще нравятся тюльпаны.

— Вот видишь. Компьютеры всё-таки логичнее.

— Не спорю.

Несколько секунд мы молча ели завтрак, и эта тишина была привычной. С Каэлом никогда не возникало неловких пауз. Иногда мы могли проговорить целый вечер без остановки, а иногда спокойно молчали по полчаса, занимаясь каждый своим делом. Наверное, именно поэтому мы так легко уживались под одной крышей.

Иногда я сама удивлялась тому, как странно всё сложилось. Если бы кто-нибудь во время учёбы сказал, что однажды мы будем жить вместе, я бы только рассмеялась. Мы вообще вращались в совершенно разных мирах. Я училась на факультете организации мероприятий и свадебного менеджмента, жила среди эскизов оформления, цветочных композиций, бесконечных презентаций и разговоров о свадебных концепциях, а Каэл практически не вылезал из корпуса информационных технологий, где изучал программирование, архитектуру программного обеспечения и всё то, от чего у меня начинала болеть голова уже после первых двух предложений.

— О чём задумалась? — спросил он, заметив, что я слишком долго смотрю в одну точку.

— Да так... Вспомнила, как мы познакомились.

Каэл тихо усмехнулся.

— Это было прикольно.

— Ничего прикольного, потому что мне до сих пор стыдно.

— За что именно? За то, что влетела в меня посреди коридора? Или за то, что облила кофе мою новую футболку?

— Перестань.

— Или за то, что потом минут десять извинялась без единой паузы?

Я закрыла лицо ладонью.

— Господи...

— А мне понравилось.

— Конечно понравилось. Ты потом ещё месяц всем рассказывал эту историю.

— Потому что она смешная.

— Она смешная только для тебя, - фыркнула я.

— Эл, ты буквально снесла меня с ног, поэтому это смешно.

— Я тогда опаздывала!

— Это не оправдание.

— Для меня — вполне.

Он рассмеялся, а я невольно улыбнулась в ответ. Именно с той нелепой встречи в университете всё и началось. Случайное столкновение в коридоре, испорченная белая футболка, кофе на полу и парень, который почему-то не разозлился, а вместо этого помог собрать мои разлетевшиеся конспекты. С тех пор мы как-то незаметно стали обедать вместе, потом готовиться к экзаменам, потом переписываться каждый день, а спустя несколько лет он оказался тем самым человеком, который без единого вопроса открыл передо мной дверь своей квартиры и сказал только одну фразу: «Оставайся столько, сколько понадобится». Именно тогда я окончательно поняла, что настоящая дружба не требует громких обещаний. Она просто однажды появляется в твоей жизни и остаётся, когда всё остальное рушится.

Мы почти одновременно закончили завтрак. Каэл привычно собрал пустые тарелки и поставил их в посудомоечную машину, пока я забрала со спинки стула лёгкий тренч и сумку. Уже у самой двери мы коротко попрощались, пожелав друг другу хорошего дня, и спустя несколько секунд за моей спиной тихо щёлкнул дверной замок.

Лос-Анджелес окончательно проснулся. Машины неторопливо тянулись по широким проспектам, люди спешили на работу, где-то открывались кофейни, а город жил своей привычной жизнью, совершенно не подозревая, сколько чужих историй ежедневно скрывается за спокойными лицами прохожих. Я давно перестала включать музыку по дороге. Раньше не могла представить ни одной поездки без любимого плейлиста, теперь же всё чаще ехала в тишине. Она не давила. Наоборот. В ней мысли наконец переставали перебивать друг друга.

Я никогда не считала себя человеком, которому жизнь особенно благоволила. Родителей я почти не помнила. Детский дом научил слишком многому слишком рано: не ждать чудес, рассчитывать только на себя и не опускать руки, даже если кажется, что сил больше нет. Наверное, именно поэтому я всегда так отчаянно цеплялась за учёбу. Пока остальные мечтали о вечеринках, я сидела над учебниками, потому что понимала простую вещь: хорошее образование — единственный шанс выбраться оттуда, где оказалась не по своей воле. Я окончила школу с отличием, получила грант и поступила в университет. Тогда мне казалось, что самое страшное уже осталось позади.

И всё это время рядом был Лиам.

Иногда я даже не замечала, насколько естественно он стал частью моей жизни. Когда мы познакомились, он уже учился в старших классах, был на два года старше меня и почему-то сразу решил взять шефство над молчаливой рыжей девчонкой, которая постоянно носила с собой книги толще собственной руки. Он встречал меня после уроков, помогал готовиться к экзаменам, приносил горячий шоколад зимой и всегда умудрялся рассмешить именно тогда, когда мне казалось, что смеяться больше незачем. Наши отношения никогда не были похожи на шумный подростковый роман. Всё происходило так естественно, словно однажды мы просто начали идти рядом и уже не представляли жизни друг без друга.

Мы встречались почти четыре года. За это время успели окончить школу, вместе пережить мои вступительные экзамены, моё поступление в университет и первые месяцы взрослой жизни, когда каждая копейка была на счету. Когда мне исполнилось девятнадцать, а Лиаму — двадцать один, он сделал мне предложение. Никакой роскоши. Никаких дорогих ресторанов. Только мы вдвоём, вечерний город и кольцо, которое он несколько месяцев откладывал со своей зарплаты.

Через год всё закончилось.

Мне было двадцать.

Ему — двадцать два.

Иногда эта мысль до сих пор казалась какой-то нелепой. История, которая началась ещё в школьных коридорах, закончилась всего через год после свадьбы. Но дело никогда не было в количестве прожитых вместе лет. За всё то время, что мы были рядом, Лиам ни разу не дал мне усомниться в том, что я любима. После детского дома, после одиночества, после постоянного

ощущения, будто ты никому по-настоящему не нужна, именно он впервые подарил мне чувство дома. Настоящего. Того, куда хочется возвращаться.

Я по-прежнему любила его.

Не так, как любят несбывшуюся мечту, цепляясь за прошлое и отказываясь жить дальше. Нет. Я просто любила человека, который когда-то стал для меня целым миром. Потому что настоящие чувства не исчезают только потому, что жизнь решила всё разрушить.

И всё же я продолжала идти вперёд. Не ради призрачной надежды однажды всё вернуть. А потому что именно этого Лиам всегда хотел бы для меня. И где-то глубоко внутри жила одна-единственная мысль: однажды он обязательно узнает правду. Не сегодня. Может быть, не завтра. Возможно, через годы. Но если этот день всё-таки наступит, я хотела, чтобы он увидел не женщину, сломленную своим прошлым, а ту саму Элару, в которую когда-то влюбился ещё в школьные годы.

Заставляю себя вернуться в реальность и паркую машину около небольшого здания в два этажа. Заглушив двигатель, выбираюсь из машины и неспешно иду к крыльцу и через пару минут оказываюсь в просторном холле, который за этот год выучила наизусть. Девушки на ресепшене коротко кивают с приветливыми улыбками, я стараюсь ответить им тем же, а затем поднимаюсь на второй этаж, сворачиваю вправо и ровно через пару шагов захожу в приёмную.

— Элара, добро пожаловать! — приветствует меня Мия, сегодня девушка в офисном чёрном платье, которое подчёркивает её стройную фигуру. На лице лёгкий макияж, что придаёт её милому кукольному личику выразительности.

— Привет, Мия, — улыбаюсь я. — У себя? — указываю на дверь слева.

— Да, она ждёт тебя, можешь проходить.

— Спасибо.

Берусь за ручку двери и открываю её, заметив сразу стол, что расположился прямо передо мной, за ним два небольших шкафа с разноцветными папками, а стоит переступить порог, вижу справа от себя мою излюбленную за столько месяцев кушетку. Больше в кабинете ничего нет.

— Доброе утро, Элара.

Я привычно кивнула, сняла тренч и положила сумку рядом с кушеткой.

— Доброе.

— Как прошла неделя?

Я ненадолго задумалась.

— Лучше предыдущей.

— Это ты сейчас честно сказала или просто хочешь меня порадовать?

Я усмехнулась.

— Немного и того, и другого.

Адель понимающе улыбнулась и сделала какую-то короткую пометку в блокноте.

— Что изменилось?

— Работать стало легче. Людей вокруг тоже стало переносить проще. Уже не хочется разворачиваться и уходить каждый раз, когда кто-то оказывается слишком близко.

— Но?

Я тяжело выдохнула.

— Но это чувство никуда не делось. Я всё равно постоянно жду... чего-то.

— Чего именно?

Я молчала несколько секунд.

— Что всё повторится. Головой понимаю, что этого не случится. Никто не закроет дверь. Никто не заберёт телефон. Никто не скажет, что сегодня я принадлежу кому-то ещё... Но иногда тело реагирует быстрее головы. Стоит незнакомому мужчине случайно коснуться моей руки — и внутри будто щёлкает выключатель.

— Что происходит в этот момент?

— Я перестаю чувствовать себя здесь.

— Ты словно возвращаешься туда?

Я кивнула.

— Именно.

Адель закрыла ручку колпачком и спокойно посмотрела на меня.

— Это не значит, что ты сходишь с ума. Это значит, что твоя психика всё ещё защищает тебя.

— Уже год прошёл.

— Для мозга год после такой травмы — очень маленький срок.

Я невольно покачала головой.

— Иногда мне кажется, что я должна была восстановиться быстрее.

— Почему должна?

— Потому что... я свободна.

— Свобода не отменяет последствия.

Я отвела взгляд к окну.

— Есть ещё кое-что.

— Я слушаю.

Я несколько раз провела большим пальцем по краю ладони, собираясь с мыслями.

— Меня до сих пор мучает чувство вины.

— Из-за Лиама?

Я кивнула.

— Мне кажется... что я его предала.

— Ты действительно это сделала?

Вопрос прозвучал настолько спокойно, что ответить сразу не получилось.

— Нет...

— Тогда почему продолжаешь обвинять себя?

— Потому что для него всё выглядело именно так.

Я почувствовала, как внутри снова неприятно заныло.

— Он видел только то, что ему позволили увидеть. И я ничего не смогла изменить.

— Ты могла?

Я закрыла глаза.

— Нет.

— Тогда повторю вопрос иначе. Кто лишил тебя возможности что-либо изменить?

Я долго молчала.

— Они.

— Значит, ответственность лежит на них, а не на тебе.

Я горько усмехнулась.

— Разум это понимает. Сердце — нет.

Адель слегка наклонилась вперёд.

— Элара... ты продолжаешь судить себя так, словно тогда у тебя была свобода выбора. Но её не было. Человек, которого удерживают силой и заставляют принимать решения под угрозой, не становится виновником происходящего. Он становится жертвой преступления. Сердце редко соглашается с разумом сразу. Особенно после того, что тебе пришлось пережить. Но знаешь, в чём проблема? Ты продолжаешь предъявлять к себе требования той Элары, которая была свободна. А тогда ты свободной уже не была.

Я ничего не ответила.

— Ты говоришь о себе так, будто у тебя был выбор. Будто однажды утром ты проснулась и добровольно решила причинить боль человеку, которого любила. Но ведь этого не было.

Я медленно покачала головой.

— Нет.

— Тогда перестань требовать от себя невозможного. Человек способен отвечать только за те решения, которые принимает свободно. Всё остальное — это выживание. А выживание почти никогда не выглядит красиво.

Я опустила взгляд на собственные ладони.

— Иногда мне кажется... что я должна была бороться сильнее.

— Ты боролась ровно столько, сколько позволяли твои силы. Иначе тебя бы сейчас здесь не было. Элара, посмотри на меня.

Я подняла глаза.

— Ты выжила. Не потому, что была слабой. А потому, что твой мозг и твоё тело делали всё возможное, чтобы сохранить тебе жизнь. Иногда это означало подчиняться. Иногда — молчать. Иногда — соглашаться с тем, с чем ты никогда бы не согласилась по собственной воле. Это не делает тебя предательницей. Это делает тебя человеком, который оказался в нечеловеческих обстоятельствах.

— Но почему тогда чувство вины никуда не исчезает?

— Потому что ты очень любила Лиама. И любишь до сих пор. Любовь часто пытается взять на себя чужую ответственность. Нам кажется, что если бы мы были сильнее, умнее, смелее, то обязательно нашли бы другой выход. Это иллюзия контроля. Она возникает после тяжёлой травмы почти у всех.

Я невольно нахмурилась.

— Почти у всех?

— Да. Так психика пытается убедить человека, что в следующий раз он сможет всё предотвратить. Это защитный механизм. Очень жестокий, потому что заставляет снова и снова обвинять себя в том, на что ты никак не могла повлиять.

Я медленно выдохнула.

— Значит... я никогда не смогу перестать чувствовать это?

— Сможешь. Но не потому, что забудешь. И не потому, что перестанешь любить его. А потому, что постепенно научишься смотреть на ту девушку двадцати лет не глазами обвинителя, а глазами человека, который знает всю историю целиком.

Она сделала небольшую паузу, после чего продолжила:

— Ты уже рассказывала, что панические атаки стали реже. Это хороший признак. Но нервная система всё ещё находится в состоянии повышенной готовности. Поэтому я хочу немного скорректировать лечение. Мы оставим терапию как основу, потому что именно она помогает тебе возвращать чувство безопасности, а на случай сильных приступов я выпишу препарат быстрого действия. Не для ежедневного приёма и не для того, чтобы заглушить эмоции. Только как страховку, если почувствуешь, что паника становится сильнее тебя.

Я внимательно посмотрела на неё.

— Думаешь, это не шаг назад?

— Нет. Это такой же инструмент, как костыль для человека со сломанной ногой. Никто не ходит с ним всю жизнь. Но иногда он помогает пройти тот участок дороги, который пока слишком тяжёлый.

Я медленно кивнула.

— И ещё кое-что, Элара.

— Что?

— Ты сделала всё, что могла, чтобы выжить. А теперь пришло время сделать всё, что можешь, чтобы снова начать жить. Это две совершенно разные задачи. И первую ты уже выполнила.

Я ещё несколько секунд сидела молча, переваривая её слова. В кабинете снова воцарилась привычная тишина, нарушаемая лишь негромким тиканьем настенных часов. Странно,

но именно здесь паузы никогда не казались тяжёлыми. Они не давили. Наоборот, позволяли спокойно разложить мысли по местам.

Адель сняла очки и чуть улыбнулась.

— На сегодня, думаю, хватит. Не пытайся переварить всё сразу. Дай себе время.

— Спасибо.

— Не мне. Себе. Ты снова пришла, снова говорила о том, о чём год назад даже думать не могла. Это тоже работа.

Я тихо усмехнулась.

— Иногда кажется, что она никогда не закончится.

— Закончится. Просто не тогда, когда ты этого требуешь, а тогда, когда сама перестанешь каждый день проверять, стало ли легче.

Я кивнула.

— Ладно... Постараюсь.

— Вот это уже больше похоже на правду.

Я взяла сумку, перекинула ремешок через плечо и направилась к двери.

— До следующей недели, Элара.

— До встречи.

За дверью меня встретила привычная приёмная. Мия уже что-то быстро печатала на компьютере, но, заметив меня, сразу подняла голову.

— Ну как?

Я пожала плечами.

— Жива.

Мия улыбнулась.

— Уже хороший результат.

— Для вторника — вообще отличный.

Она тихо рассмеялась, протягивая мне небольшую карточку.

— Следующая запись через неделю. Время не менялось.

— Спасибо.

— Хорошего дня.

— И тебе.

Я вышла из здания, вдохнув тёплый воздух. Солнце поднялось уже достаточно высоко, окончательно разогнав утреннюю прохладу. На парковке было почти пусто. Достав ключи, я нажала кнопку разблокировки, услышала знакомый короткий сигнал автомобиля и направилась к машине. Через несколько минут двигатель негромко ожил, кондиционер постепенно наполнил салон прохладой, а навигатор уже привычно проложил маршрут до агентства.

До офиса Молли было около двадцати минут езды. За это время поток машин успел окончательно уплотниться, светофоры собирали небольшие очереди, а улицы всё сильнее наполнялись людьми. Я спокойно следила за дорогой, почти не замечая привычного городского шума. После сеансов всегда становилось немного легче. Не потому что проблемы исчезали. Просто внутри словно освобождалось немного места, которого раньше постоянно не хватало, чтобы спокойно вдохнуть.

Когда впереди показалось знакомое здание свадебного агентства «Ever After», я знала: впереди ждал рабочий день, десятки мелких задач, звонков, встреч и бесконечной свадебной суеты. И, как ни странно, именно эта обычная, иногда даже хаотичная жизнь всё чаще помогала мне чувствовать себя настоящей.

К тому моменту, когда я припарковалась возле свадебного агентства «Ever After», парковка уже почти полностью заполнилась машинами сотрудников и клиентов. Подхватив сумку, я быстро поднялась по ступенькам и толкнула стеклянную дверь. Едва переступив порог, меня тут же окутал привычный запах свежесваренного кофе, бумаги и живых цветов, которые меня-

лись в зоне ожидания едва ли не каждую неделю. Девушки за стойками уже разговаривали по телефону, где-то тихо работал принтер, кто-то раскладывал каталоги с образцами тканей, а из соседнего кабинета доносился оживлённый смех. Всё вокруг жило в своём привычном ритме, и, наверное, именно за это место я любила сильнее всего — здесь никогда не оставалось времени, чтобы застрять в собственных мыслях.

— Элара!

Я едва успела снять тренч, как навстречу уже уверенным шагом шла Молли.

Ей недавно исполнилось сорок семь, но возраст совершенно не ощущался рядом с ней. Невысокая, энергичная, с короткими каштановыми волосами, уложенными в лёгкое каре, она двигалась так быстро, словно постоянно боялась не успеть сделать ещё сотню важных дел. Тёплые карие глаза всегда улыбались раньше губ, а привычка активно жестикулировать превращала любой разговор почти в маленькое представление. Сегодня на ней был светлый брючный костюм цвета топлёного молока, тонкая золотая цепочка на шее и неизменные туфли на небольшом каблуке, в которых, казалось, она могла без остановки пробегать весь день.

Я улыбнулась ей ещё до того, как она подошла ближе.

— Доброе утро.

— Доброе? Оно станет добрым только тогда, когда ты спасёшь меня.

Я тихо рассмеялась.

— Всё настолько плохо?

— Намного хуже.

Она сунула мне в руки толстую папку.

— Вот список гостей, вот изменения по декору, вот подрядчики, которые почему-то решили выяснить отношения именно сегодня, а вот невеста, которая в семь утра сообщила, что передумала насчёт оформления арки.

Я открыла папку.

— Снова?

— Даже не спрашивай.

Несмотря на вечную занятость, Молли никогда не теряла способности улыбаться. Именно поэтому рядом с ней невозможно было долго находиться в плохом настроении.

Когда-то именно она первой предложила мне работу.

Они много лет дружили с матерью Каэла. После выпуска я безуспешно рассылала резюме, пока однажды вечером Каэл не сказал совершенно будничным тоном:

— Поехали завтра кое с кем познакомлю.

Никаких обещаний он тогда не давал.

Просто привёз меня сюда.

Молли посмотрела моё портфолио, задала всего несколько вопросов, а потом неожиданно сказала:

— Если хотя бы половину своих проектов ты организовываешь так же аккуратно, как оформила эту папку, то выходи в понедельник.

С тех пор прошёл почти год.

И ни разу за всё это время я не пожалела, что тогда переступила порог этого агентства.

— Не стой столбом, — вернул меня в реальность голос Молли. — Сегодня мы спасаем чужую идеальную свадьбу.

— Как обычно.

— Именно! Вот за это я тебя и люблю.

Дальше день закрутился так стремительно, что часы будто решили перескакивать сразу через несколько дел. Телефон звонил практически без остановки. Приходилось согласовывать меню, переносить встречи, проверять поставщиков, пересчитывать рассадку гостей после очередного списка родственников, неожиданно увеличившегося ещё на семь человек, выбирать

ткани для оформления банкетного зала и одновременно успокаивать жениха, который всерьёз переживал, что цвет салфеток окажется «недостаточно праздничным». Несколько раз мы с Молли буквально перебрасывались папками через весь кабинет, потому что каждая следующая задача уже не могла ждать. К обеду я поймала себя на мысли, что с самого утра ни разу не возвращалась мыслями к прошлому. Всё внимание без остатка занимала работа, и впервые за долгое время это ощущалось не как попытка убежать от себя, а как самая обычная жизнь.

Домой я вернулась уже ближе к восьми вечера. Каэл оказался дома раньше и теперь сидел за кухонным островом с ноутбуком, сосредоточенно что-то печатая. Услышав, как хлопнула входная дверь, он поднял голову.

— Ну?

Я устало сбросила кеды и улыбнулась.

— Кажется, сегодня мы спасли ещё одну свадьбу.

— Значит, мир всё-таки не рухнул?

— Пока нет.

Он закрыл ноутбук.

— Тогда это повод поужинать.

Я открыла холодильник, достала продукты и привычно занялась приготовлением ужина. Каэл не мешал. Он просто устроился рядом на высоком стуле, лениво листая новости и время от времени рассказывая какие-то смешные истории со своей работы. Именно такие спокойные вечера я ценила особенно сильно. Без суеты. Без необходимости что-то объяснять. Просто рядом с человеком, рядом с которым можно было молчать.

Когда мы наконец сели ужинать, Каэл внимательно посмотрел на меня.

— Ну как день?

Я задумалась всего на секунду.

— Знаешь... сегодня я почти не думала о том, что было.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Это прогресс.

Я опустила взгляд в тарелку, чувствуя неожиданно приятное тепло где-то внутри.

— Наверное...

— Не наверное, Эл. Именно прогресс.

После ужина мы ещё немного посидели в гостиной, обсуждая какую-то ерунду, пока мой телефон неожиданно не завибрировал на журнальном столике.

Молли: «Не забудь, завтра выездная организация. Молодожёны хотят, чтобы ты была на площадке с самого утра. Встречаемся в агентстве в 7:30. И пожалуйста... выспись. Завтра будет очень длинный день»

Я невольно улыбнулась.

— Что?

— Молли.

— Уже придумала вам работу на завтра?

— Как будто когда-то было иначе.

Каэл тихо усмехнулся.

— Тогда сегодня ложимся пораньше.

Я лишь кивнула, даже не подозревая, что именно завтрашний выезд перевернёт мою жизнь с ног на голову.

Глава 2

Будильник прозвонил в половине шестого утра. На подобных выездных свадьбах никто не приезжал к началу церемонии. Самое важное происходило задолго до появления первых гостей.К семи утра моя машина уже въезжала на территорию загородного комплекса Silver Lake Resort — одного из самых дорогих свадебных мест во всём округе Лос-Анджелеса. Огромная территория с идеально подстриженными газонами, небольшим искусственным озером, белоснежной ротондой для выездных церемоний и просторным банкетным залом, окна которого выходили прямо на воду. Здесь проводили свадьбы люди, для которых слово «бюджет» существовало скорее как формальность.Ещё вчера вечером Молли переслала мне полный тайминг мероприятия вместе с пожеланиями молодожёнов. Прочитав документ, я только тихо выдохнула. Невеста мечтала о свадьбе, будто сошедшей со страниц дорогого свадебного журнала: никаких ярких цветов, только белые пионы, кремовые розы и живые орхидеи, десятки свечей, стеклянные композиции, золотые приборы, белоснежная дорожка к арке и исключительно живая музыка во время церемонии. Жених оказался человеком куда спокойнее, но именно поэтому соглашался практически со всем, что придумывала его будущая жена. Единственное условие с его стороны — идеальный звук. Без скрипящих колонок, без микрофонов, уходящих в свист, и без музыкантов, начинающих играть не вовремя.Стоило выйти из машины, как меня сразу окутал привычный рабочий шум. Где-то справа разгружали коробки с декором, флористы уже раскладывали цветы по длинным столам, техник тащил кабели к сцене, официанты заносили внутрь коробки, а у центрального входа парковался грузовик с мебелью для лаунж-зоны.— Доброе утро! — бросила я на ходу, даже не останавливаясь.— Доброе! — донеслось сразу с нескольких сторон.Я открыла планшет с таймингом и почти машинально начала сверять время. До приезда молодожёнов оставалось достаточно времени, но именно сейчас решалось, какой получится вся свадьба. Если утром упустить хотя бы одну мелочь, к вечеру она обязательно превратится в проблему, которую придётся тушить уже на глазах у гостей.Первым делом я направилась к ротонде, где должна была проходить церемония. Флористы заканчивали оформлять белоснежную арку, осторожно закрепляя последние ветви орхидей между пышными пионами и кремовыми розами. Я медленно обошла конструкцию со всех сторон, задерживая взгляд на каждой детали. Со стороны казалось, будто я просто любуюсь цветами, но на самом деле взгляд автоматически цеплялся за симметрию, расстояния, оттенки и общий баланс композиции.— Левую сторону чуть выше, — спокойно произнесла я. Молодой флорист сразу поднял голову.— Сантиметров на пять?— На четыре. И уберите две орхидеи справа. Сейчас арку визуально перетягивает.Он сделал несколько шагов назад, прищурился и через секунду согласно кивнул.— Чёрт... действительно.— Если невеста будет стоять ровно по центру, на фотографиях это сразу бросится в глаза.— Уже исправляем.Я удовлетворённо кивнула и пошла дальше.Следующей остановкой стала зона банкета. Десятки круглых столов уже были накрыты белоснежными скатертями, официанты расставляли бокалы, а декораторы заканчивали композиции из живых цветов. Я остановилась возле ближайшего стола, поправила салфетку, которая лежала чуть кривее остальных, затем переставила карточку с именем гостя буквально на несколько сантиметров.— Элара, — окликнула меня девушка из команды декораторов. — Посмотри, пожалуйста.Я подошла ближе.— Что случилось?— Молодожёны просили золотые подсвечники, но поставщик случайно привёз часть матовых.Я внимательно посмотрела на сервировку. Разница действительно была заметной.— Сколько таких?— Одиннадцать.— Меняем все.— Но остальные будут только через сорок минут.— Значит, ждём сорок минут. Лучше позже закончить сервировку, чем испортить общую картину.— Хорошо.Едва я успела сделать несколько шагов, как ко мне почти

бегом подошёл звукорежиссёр.— Эл, есть минутка?— Конечно.— Одна колонка периодически даёт лёгкий треск.— Проверяли кабель?— Да.— Вторую систему подключали?— Пока нет. — Подключайте. Если проблема останется — полностью меняйте оборудование.— Понял.Я снова сверилась с планшетом.Кухня.Развернувшись, направилась к служебному входу ресторана. Внутри царил совершенно другой мир. Огромные металлические столы, десятки поваров, запах свежей выпечки, специй, мяса и горячего шоколада смешивались в единый насыщенный аромат. Кто-то украшал десерты, кто-то проверял мясо, кто-то выкладывал мини-закуски на длинные подносы.Шеф-повар заметил меня сразу.— Доброе утро, красавица.— Доброе. Как дела?— Если не считать того, что кондитер чуть не устроил истерику из-за крема, всё отлично.Я перевела взгляд на молодого парня, который действительно выглядел так, будто пережил маленькую трагедию.— Уже решили?— Решили.— Тогда считаю, ничего страшного не произошло.Шеф рассмеялся.— Люблю твой оптимизм.— Это не оптимизм. Это опыт.Мы одновременно улыбнулись друг другу.Стоило выйти обратно на улицу, как телефон завибрировал.На экране высветилось имя невесты.Я ответила практически сразу.— Доброе утро, Эмили. — Элара... — голос девушки дрожал так сильно, что мне даже не понадобилось спрашивать, что случилось. — Всё нормально?Я остановилась возле дорожки, ведущей к озеру, и спокойно посмотрела вокруг. Рабочие заканчивали устанавливать последние элементы декора. Музыканты уже репетировали церемониальную мелодию. Официанты выстраивали бокалы для приветственного шампанского.— Всё идёт по плану.— Правда?— Правда.— Ты не пытаешься меня успокоить?— Пытаюсь. Но при этом говорю чистую правду.На том конце провода послышался тяжёлый вдох.— Мне кажется... что обязательно что-нибудь случится.— Уже случилось.Она испуганно ахнула.— Что?— Бариста сделал мне слишком горячий кофе. Это пока самая большая проблема сегодняшнего дня.Несколько секунд стояла тишина.Потом Эмили неожиданно рассмеялась.— Ты ужасная.— Зато спокойная.— Просто... я почти не спала.— Это нормально.— А если гости опоздают?— Подождём.— А если пойдёт дождь?Я подняла голову. Над озером не было ни единого облака.— Тогда мы удивимся всей Калифорнией.Она снова тихо засмеялась.— А если цветы...— Цветы стоят.— Музыканты?— Уже репетируют.— Арка?— Получилась красивее, чем на визуализации.Эмили наконец шумно выдохнула.— Спасибо...— Послушай меня внимательно. Сейчас ты должна заниматься собой. Позавтракать, спокойно собраться, выпить воды и перестать открывать список дел каждые пять минут. Для этого здесь нахожусь я.— Хорошо.— Обещаешь?— Обещаю.— Вот теперь верю.Попрощавшись, я убрала телефон в карман и невольно улыбнулась. Практически каждая невеста в день свадьбы проходила через одну и ту же стадию паники. И дело было вовсе не в цветах или музыке. Просто человек слишком боялся, что самый важный день в его жизни перестанет быть идеальным. Иногда организатору приходилось быть координатором, логистом, переговорщиком, кризисным менеджером и немного психотерапевтом одновременно.— Элара! — донеслось справа.Я обернулась.Администратор комплекса быстрым шагом направлялся ко мне.— Есть небольшая проблема.Я только усмехнулась.— Отлично. Уже начала переживать, что сегодняшний день пройдёт слишком спокойно.— Только что позвонили из кондитерской. Машина с основным свадебным тортом застряла на трассе из-за аварии. Они говорят, задержатся минимум на сорок минут.Я машинально посмотрела на часы.— Во сколько должен быть торт здесь? — Через двадцать.— Значит, до подачи у нас есть целый день. Он упакован и стоит, надеюсь, в прохладном месте.— Да, но...— Значит, никакой проблемы пока нет.Он заметно расслабился.— Думаешь?— Думаю. Если через два часа его всё ещё не будет — начнём нервничать. Сейчас — нет.Я сразу набрала номер кондитерской.— Доброе утро. Это Элара, свадебное агентство. Слушайте внимательно. Мне не нужны извинения, мне нужно понимать ситуацию. Где сейчас машина?.. Отлично. Как только объедете участок, сразу перезвоните мне... Нет, переносить доставку не нужно. Просто держите меня в курсе каждые двадцать минут... Спасибо.Закончив разговор, я убрала телефон.— Всё под контролем.— Ты вообще когда-нибудь

нервничаешь? — с улыбкой спросил администратор.— Постоянно. Просто не во время работы.Он коротко рассмеялся и ушёл решать свои вопросы, а я снова вернулась к площадке.К этому времени флористы уже закончили оформление арки, музыканты перестали репетировать и начали настраивать инструменты перед приездом гостей, официанты расставляли последние бокалы, а координаторы встречали подрядчиков, которые продолжали прибывать один за другим. Я успевала одновременно отвечать на звонки, проверять тайминг, решать мелкие вопросы персонала и следить, чтобы никто не выбивался из графика. Иногда мне казалось, что я прохожу через всю территорию комплекса раз двадцать за час.— Эл! — окликнул меня фотограф.Я обернулась.— Мне нужно чтобы церемонию сдвинули буквально на десять минут раньше, свет будет идеальным.Я открыла расписание.— Подожди.Быстро просмотрела весь тайминг.— Получится. Но только если музыканты начнут играть сразу после прибытия гостей. — Отлично.Я уже направилась к музыкантам.— Коллеги, небольшое изменение. Начинаем на десять минут раньше. Справимся?Мужчина лет пятидесяти улыбнулся.— Конечно.Проблема решилась меньше чем за минуту.Наверное, именно за это я и любила свою работу. Ни один день никогда не проходил точно по плану, но почти любую неожиданность можно было исправить, если не начинать паниковать раньше времени.Ближе к вечеру на территорию начали приезжать первые гости. Белые автомобили один за другим останавливались у центрального входа, слышались приветствия, смех, звон бокалов с приветственным шампанским. Я почти не задерживалась на одном месте дольше минуты. Проверила встречу гостей, убедилась, что музыканты начали играть вовремя, проследила, чтобы церемониальная дорожка оставалась идеально чистой, и только после этого позволила себе ненадолго остановиться у ротонды.Эмили появилась именно такой, какой и представляла себя всю подготовку к свадьбе. Платье мягко струилось по дорожке, длинная фата едва заметно колыхалась от лёгкого ветра, а в руках она держала небольшой букет белых пионов. Она нервничала — это было видно сразу. Я подошла к ней буквально за минуту до начала церемонии.— Дышишь?Она кивнула.— Пытаюсь.— Всё получилось именно так, как ты хотела.Эмили быстро огляделась вокруг, будто только сейчас впервые увидела площадку полностью.— Это... даже красивее.— Я же обещала.— Спасибо.— Поблагодаришь после свадьбы. Сейчас иди выходить замуж.Она тихо засмеялась и наконец направилась к дорожке.Церемония прошла без единой заминки. Музыканты начали играть вовремя, кольца оказались на месте, микрофоны работали идеально, даже ветер словно специально стих именно в тот момент, когда молодожёны произносили клятвы. После церемонии началась фотосессия, затем банкет, поздравления, первый танец, смена блюд, работа ведущего, выступление музыкальной группы. За всё время мне пришлось решить ещё десяток мелких вопросов, успокоить мать жениха, которой показалось, что официанты слишком медленно разносят шампанское, и проследить, чтобы свадебный торт всё-таки вынесли ровно в назначенную минуту.Когда часы показали начало восьмого вечера, программа подошла к той части, где моё постоянное присутствие уже не требовалось. Ведущий уверенно держал внимание гостей, персонал работал слаженно, молодожёны наконец перестали переживать и просто наслаждались своим праздником. Я ещё раз обошла банкетный зал, убедилась, что всё идёт без моего участия, попрощалась с Молли, которая приехала ближе к вечеру проверить, как проходит мероприятие, и, получив её привычное:— Молодец. Как всегда без единого провала.— Спасибо.— Езжай домой. Остальное мы уже сами решим.Я улыбнулась, впервые за весь день почувствовав приятную усталость, забрала сумку и направилась к парковке. Только сев за руль и закрыв дверь автомобиля, я поняла, насколько длинным выдался этот день.Я завела двигатель, и салон почти сразу наполнился тихим гулом кондиционера. За целый день я настолько привыкла к чужим голосам, музыке, бесконечным вопросам и постоянному движению, что сейчас обычная тишина казалась настоящей роскошью. Медленно выехав с парковки комплекса, я ещё раз бросила взгляд в зеркало заднего вида. Где-то позади оставались освещённая ротонда, банкетный зал, десятки улыбающихся людей и ещё одна свадьба, которая закончилась именно так,

как должна была закончиться. Для большинства гостей этот день навсегда останется красивой сказкой. Для меня — ещё одной строчкой в рабочем календаре и приятным чувством, что всё прошло именно так, как я и планировала.К вечеру Лос-Анджелес словно менялся. Утреннюю деловую суету сменил привычный поток людей, спешащих домой. Машины медленно двигались по широким магистралям, неоновые вывески ресторанов уже начинали загораться одна за другой, на тротуарах становилось всё больше прохожих, а небо постепенно окрашивалось в тёплые оранжево-розовые оттенки. Я спокойно влилась в поток автомобилей, привычно держа обе руки на руле. После таких насыщенных дней организм будто сам переходил в экономный режим. Не хотелось ни музыки, ни подкастов, ни разговоров. Только спокойно ехать вперёд и никуда не торопиться.До дома оставалось около двадцати минут, когда телефон, лежавший на пассажирском сиденье, коротко завибрировал. На экране сразу высветилось имя Каэла.— Привет, — ответила я, подключив звонок через громкую связь.— Судя по тому, что ты ответила сразу, ты уже сбежала со своей свадьбы века.Я усмехнулась.— Не сбежала. Меня официально отпустили.— Значит, живая.— Пока да.— Отлично. Тогда у меня есть предложение.— Даже немного страшно стало.— Не драматизируй. Ты далеко сейчас?Я быстро взглянула на навигатор.— Минут двадцать до дома.— Тогда давай встретимся в Whole Foods Market на Санта-Монике. Нам всё равно нужно купить продукты, а одному ходить по магазину скучно.— Ты серьёзно сейчас пытаешься заманить меня в супермаркет словами «будет весело»?— Конечно. Там много вкусняшек.— Очень убедительный аргумент. Но я всё ещё не решила, стоит ли ехать.Несколько секунд в трубке стояла тишина, после чего он спокойно добавил:— Эл, просто заезжай. Купим продукты, что-нибудь на ужин и спокойно поедем домой.Я невольно улыбнулась.— Ладно. Уговорил.— Отлично. Я буду минут через десять.— Хорошо.Связь оборвалась, а я перестроилась в соседний ряд, следуя подсказкам навигатора. До магазина действительно было совсем недалеко. Свернув с оживлённой магистрали на более спокойную улицу, я уже издалека увидела ярко освещённую вывеску Whole Foods Market и просторную парковку, где, несмотря на вечер, ещё оставалось достаточно свободных мест. Припарковав машину недалеко от входа, я заглушила двигатель, на секунду откинулась на спинку сиденья и позволила себе глубоко вдохнуть. В ожидании друга я взяла телефон и быстро пробежалась по планам на эту неделю и стоило открыть рабочий календарь в глаза бросилась приближающаяся свадьба знакомого Молли. Я невольно задумалась над тем, сколько месяцев мы планировали её, и если мне не изменяет память, то месяцев восемь. Значит, в ближайшее время придётся потратить все свои нервы на то, чтобы этот день настал и сразу закончился. Даже у Молли не хватало сил на невесту этого мероприятия. Стервозная особа. И все, кто работает не так, как её «котик», — для неё лишь рабочий персонал. Взяв телефон, я открыла чат с Молли и, сделав скрин календаря, отправила начальнице с грустным плачущим смайликом. Ответ пришёл мгновенно.Молли: «Не напоминай, я сегодня уже разбирала их торжество и кажется мне придётся всё агентство отправить Брюсу, чтобы его дочь поскорее вышла замуж и оставила нас в покое!»Элара: «Мне уже нас жаль».В окно моей машины мягко постучали, и я вздрогнула от неожиданности, подняла глаза — Каэл стоял со склонённой набок головой и вертел в руках ключи от машины. Я поспешила выбраться из салона, оставив сумку на сиденье.Поставив авто на сигнализацию, я зашагала рядом с Каэлом, и мы вместе вошли в супермаркет. Автоматические двери открылись, впуская нас в прохладный, ярко освещённый зал. Каэл сразу оттащил металлическую тележку из общего ряда, и мы неторопливо пошли по широким проходам. После тяжёлого дня и сложной выездной свадьбы моё тело всё ещё помнило усталость, но привычная и суетливая атмосфера магазина помогала постепенно переключить мысли.Каэл катил тележку одной рукой, пока второй бодро сгребал с полок всё подряд. Он с абсолютно серьезным лицом изучал состав на упаковках, зачитывал мне вслух самые нелепые описания органических продуктов и наотрез отказывался идти дальше, пока мы не выберем «правильные» чипсы. Мы ходили между стеллажами, спорили из-за соусов для роллов и выбирали свежие

фрукты. Каэл постоянно шутил, разыгрывал небольшие сценки, когда я отвергала очередную выбранную им сладость, и умудрялся строить смешные рожи за спинами медлительных покупателей. Глядя на то, как этот высокий, обычно суховатый и собранный парень искренне старается дурачиться, я впервые за целый день начала улыбаться без усилий над собой.Когда мы дошли до отдела с кулинарией и десертами, наша тележка уже была забита продуктами: упаковки со свежими роллами, соки, фрукты, упаковка моти и куча мелких снеков. Каэл довольным взглядом окинул нашу добычу и отправился к соседней витрине за водой, а я наклонилась над стеклянным стеллажом, выбирая нам десерт на вечер.Со стороны раздался торопливый, топочущий звук. Я даже не успела обернуться, как в меня на полном ходу врезалось что-то маленькое. От неожиданного удара в бедро я качнулась назад, удержавшись за край витрины, и опустила взгляд. На штанине моего светлого брючного костюма расплывалось яркое, липкое розовое пятно от клубничного мороженого. У моих ног стояла кудрявая девочка лет пяти с полусъеденным рожком в руке. Она замерла, испуганно хлопнув глазами, готовая вот-вот разразиться громким плачем. Во мне не возникло ни капли злости. Я сразу опустилась на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне, и улыбнулась.— Привет, — тихо и мягко произнесла я, слегка наклонив голову набок и стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы не напугать малышку ещё сильнее. В её огромных карих глазах уже стояли крупные, готовые вот-вот сорваться слезинки, а нижняя губа предательски дрожала. Она испуганно прижала к себе полусъеденный рожок и с искренним детским ужасом смотрела на расплывающееся розовое пятно на моей штанине. — Не бойся, ты меня совсем не ушибла. Всё в порядке, честно.— Я... я случайно, — пролепетала она, шмыгнув носом и с опаской оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что сейчас откуда-то появится грозный взрослый и начнёт её отчитывать. — Вы не будете ругаться?— Никто не будет ругаться, — я покачала головой и ласково посмотрела ей прямо в глаза. — Посмотри на меня. Я похожа на человека, который злится? Совсем нет. Это просто клубничное мороженое, а штаны легко стираются. Главное — ты сама не упала и не ударилась. Ручки не болят?Девочка пару раз быстро моргнула, сдерживая подступающие слёзы, и отрицательно замотала кудряшками. Страх в её взгляде постепенно уступал место облегчению, а губа перестала дрожать, хотя слезинки всё ещё блестели на длинных ресницах. В этот момент к нам с соседнего ряда на всех парах подбежала молодая, взволнованная женщина. Её лицо было бледным от испуга, а глаза хаотично метались, пока она наконец не увидела дочь.— Софи! Господи, вот ты где! — выдохнула она, подбегая вплотную и припадая на колени рядом с малышкой. — Я же просила тебя стоять у кассы! Я перепугалась до смерти, решила, что ты потерялась!Она судорожно осмотрела дочь, а затем перевела взгляд на меня и замерла, заметив ярко-розовое пятно на моих светлых брюках, когда я встала на ноги. На её лице мгновенно отразился чудовищный стыд. Она тут же расстегнула свою сумочку, на ходу лихорадочно доставая упаковку влажных салфеток и протягивая их мне с искренними извинениями:— Девушка, простите нас, ради бога! Софи, ну как же так! Я отвлеклась на секунду, чтобы выбрать сок, а она увидела витрину с пирожными и удрала. Простите, пожалуйста! Я готова оплатить вам химчистку, только скажите сколько! Мне так неловко...В этот момент со стороны стеллажей подошёл Каэл. Он бесшумно закинул две упаковки воды в нашу и без того забитую продуктами тележку и остался стоять рядом со мной, скрестив руки на груди и наблюдая за ситуацией с лёгкой, доброжелательной улыбкой.— Пожалуйста, не переживайте, абсолютно ничего страшного не произошло, — спокойно ответила я, забирая у женщины салфетку и аккуратно промокая липкое пятно на ткани, чтобы оно не въелось. — Малышка просто оступилась, это случайность. Не нужно ничего оплачивать, ткань легко очистится. Главное, что с Софи всё в порядке и она нашлась.Она выдохнула с таким облегчением, словно с её плеч сняли невероятный груз, и с благодарностью посмотрела на меня, пока Каэл, слегка наклонившись, заговорщически подмигнул всё ещё смущённой девочке.Девушка повернулась к дочери и, тихо причитая, достала из пачки новую салфетку, пытаясь бережно вытереть испачканные розовым

мороженым маленькие пальчики. Софи уже не плакала — она разглядывала высокий силуэт Каэла и смущённо улыбалась ему в ответ, пока тот весело подмигивал ей. Приведя малышку в порядок, девушка поднялась на ноги, поправила сумочку и снова повернулась ко мне с искренней благодарной улыбкой.— Ещё раз огромное вам спасибо за понимание. Извините за этот кавардак, мы правда... — начала она, но не успела договорить.— Элара?.. — раздался сбоку тяжёлый, растерянный мужской голос.Все четверо — я, Каэл, женщина и маленькая Софи — синхронно повернули головы на звук. Ко мне, толкая перед собой забитую покупками металлическую тележку, подходил высокий, широкоплечий мужчина. В его руках замерли две большие упаковки сока, которые он со стуком опустил поверх продуктов.Финн. Финн ОКоннор.Лучший друг Лиама, с которым в прошлом мы провели сотни вечеров за одним столом, который знал всю нашу историю от самого начала до страшного разрыва. Он изменился за эти шесть лет: стал выглядеть взрослее, строже, в коротко остриженных тёмных волосах пролегла едва заметная седина. Он стоял у стеллажей, намертво вцепившись пальцами в ручку тележки, и смотрел прямо на меня, словно увидел перед собой призрака. В его карих глазах отразилась целая гамма эмоций — от дикого, неверующего шока до прожигающего оцепенения.Внутри меня всё сжалось в ледяной узел. Воздух застрял в груди раскалённым колом, а сердце сделало тяжёлый, болезненный удар и замерло где-то у самого горла. Волна воспоминаний из прошлого, которое я с таким трудом запечатала за бронёй, накрыла меня с головой. Каэл рядом со мной мгновенно изменился в лице: вся его лёгкая, доброжелательная улыбка испарилась за долю секунды. Он чуть подался вперёд, рефлекторно заступая плечом и закрывая меня от чужого взгляда, а его голубые глаза превратились в два холодных лезвия, зафиксированных на Финне. — Милый, всё хорошо? — растерянно спросила женщина, переводя взгляд с застывшего мужа на нас. Похоже, она наконец заметила эту плотную, вибрирующую паузу, возникшую в воздухе. — Что-то случилось?Милый? Фин женат? Он… же… как?Финн медленно моргнул, не сводя с меня оглушённого взгляда, и с огромным трудом заставил себя отмереть, делая полшага к своей семье.— Нет... ничего, — его голос звучал сипло, с трудом повинуясь хозяину. Он судорожно перевёл растерянный взгляд на жену, пытался собраться с мыслями и спросил: — Что у вас здесь произошло?— Да вот, Софи оступилась и испачкала девушке брюки мороженым, — быстро объяснила женщина, указывая на пятно и искренне пытаясь разрядить обстановку, всё ещё не понимая, почему её муж выглядит так, словно столкнулся с призраком. — Но всё в порядке, правда! Девушка оказалась очень доброй, мы уже обо всём поговорили. Ничего страшного не произошло. А вы что, знакомы?Девушка посмотрела на меня, затем на мужа.— Да... мы учились вместе в университете, — тяжело выдавил из себя Финн, так и не спустив с меня напряжённого, ошеломлённого взгляда. Он переводил взгляд с моего побледневшего лица на руку Каэла, застывшего рядом со мной, и пытался скрыть бурливший внутри хаос перед ничего не понимающей женой.Во мне всё заледенело. Паника, тёплая и липкая, подступила к самому горлу, перекрывая доступ к воздуху. Я стояла, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя, как привычная стальная броня рушится под тяжестью прошлого. Автоматически, повинуясь чистейшему инстинкту выживания, я сделала шаг назад и пальцами судорожно вцепилась в локоть Каэла. Моя хватка была молчаливой, отчаянной мольбой о спасении: забери меня отсюда, прямо сейчас.Каэл прочитал этот сигнал мгновенно. Его тело отозвалось на моё прикосновение собранной, жёсткой готовностью действовать. Он чуть сильнее продвинулся вперёд, окончательно перекрывая меня своей широкой спиной от Финна, и одарил старого знакомого ледяным, откровенно враждебным взглядом, который не предвещал ничего хорошего. Но уже через секунду, переведя взор на маленькую Софи и её растерянную мать, Каэл мгновенно смягчился. Он слегка наклонил голову, улыбнувшись малышке тепло и непринуждённо, чтобы не напугать ребёнка возникшим напряжением, и снова коротко подмигнул ей.— Очень приятно было тебя встретить, Финн, но нам пора идти, мы и так задерживаемся, — сказал Каэл. — Всего доброго. Хорошего вечера.Не дожидаясь ответа, он мягко, но уверенно подхва-

тил нашу забитую продуктами тележку, развернул её и пошёл вперёд, направляя нас к кассам. Я двигалась рядом с ним словно в тумане, всё ещё сжимая его рукав. Ноги казались ватными, а сердце в грудной клетке колотилось о рёбра, как пойманная птица. В голове вихрем неслись мысли: если Финн здесь, а это значит, Лиам тоже где-то рядом? Лос-Анджелес — огромный город, но почему именно сейчас?Пока мы шли вдоль бесконечных полок к выходу, я непроизвольно, вопреки собственной воле, начала оглядываться по сторонам. Мой взгляд метался по проходам, между стеллажами, у касс, вглядываясь в фигуры прохожих. Внутри меня одновременно боролись два диких, ранивших душу чувства — панический, липкий страх столкнуться с ним лицом к лицу прямо сейчас. Я не была готова к этому, только не сегодня… не сейчас. Мне не хотелось видеть в его глазах то, что я уже видела тогда на суде.— Дыши, Элара, дыши! Я не знаю, как Каэл почувствовал моё состояние, но он подтолкнул меня к кассе самообслуживания и начал быстро всё расфасовывать по пакетам. Я пыталась ему помочь, всё время оборачиваясь и рассматривая прохожих, но к своему великому облегчению не видела его.Взгляд переместился к кассе напротив и встретился со взглядом Финна — он держал дочь на руках, пока его жена раскладывала перед кассиром продукты. Удивительно, как может измениться жизнь за столько лет. Никогда бы не подумала, что такого, как Финн, могли охмурить и женить на себе. Сколько помнила этого человека, он всегда был тусовщиком, которому не нравилось, что Лиам слишком рано завёл серьёзные отношения. Интересно, мой бывший муж тоже теперь женат… или у него уже есть дети…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.